

ВОЗРОЖДЕНИЕ

« LA RENAISSANCE »

*Ежемесячный
литературно-политический
журнал*

Выходит при ближайшем участии

Кн. С. С. ОБОЛЕНСКАГО и Я. Н. ГОРБОВА.

№ 162

ИЮНЬ 1965 ГОДА

P A R I S

73, avenue des Champs-Élysées, (VIIIe)

Tél. : ELYsées 06-03

СОДЕРЖАНІЕ

	<i>Стр.</i>
1) МИР И ЧЕЛОВѢЧНОСТЬ 2) МЫ. (Pro domo sua). Редак- ціонная статья	5
М. КАРАТЪЕВ. Богатыри проснулись	7
Григорій КЛИМОВ. "Имя мое Легион"	24
Тамара ВЕЛИЧКОВСКАЯ. Вторая память	43
Николай СТАНЮКОВИЧ. Стихотворенія	56
В. Н. ИЛБИН. Чайковскій и русская симфонія	58
Н. УЛЬЯНОВ. Происхожденіе украинскаго сепаратизма	80
П. Л. БАРК. Воспоминанія	89
Л. РАБЕНЕК. Хлопчато-бумажныя Мануфактуры Москвы и Под- московья времени до первой міровой войны. (Окончаніе)	104
Из писем А. В. ТЫРКОВОЙ-ВИЛЬЯМС	114
П. Е. СТОГОВ. Вопросы науки, техники и стратегіи	125
В. БОРИСОВ. По "ту" сторону	131
Я. Н. ГОРБОВ. Л и т е р а т у р н ы я з а м ѣ т к и: Елена Скрябина "В блокадѣ" — Н. Бѣлогорскій "Вчера", т. II — Владимір Ант "Мои танки" — "Русскій Инвалид" № 158	141
Кн. С. ОБОЛЕНСКІЙ. Д ѣ л а и Л ю д и: "Тут всѣ недоволь- ны" — Революція духа — От полу-правды к правдѣ — Послѣднія увертки	152

КОНТОРА ЖУРНАЛА «ВОЗРОЖДЕНІЕ»

открыта ежедневно, кромѣ суббот и праздничных дней,
от 14 ч. 30 м. до 18 ч. 30 м.

Подписка, продажа, справки и объявленія.

ВОСПОМИНАНІЯ

(Продолженіе) *)

ГЛАВА X

Послѣ всѣхъ подготовительныхъ дѣйствій, совѣщаніе о налогахъ в Министерствѣ финансовъ, наконецъ, состоялось; в немъ приняли участіе Министры: земледѣлія, торговли и промышленности, путей сообщенія, государственный контролеръ и многіе члены Государственнаго Совѣта и Государственной Думы. Послѣ моего краткаго обращенія М. В. Родзянко попросилъ слова для внѣочереднаго заявленія, и, по уполномочію всѣхъ присутствовавшихъ членовъ Государственной Думы, объяснилъ, что, по ихъ мнѣнію, налоговыя мѣропріятія должны быть проводимы черезъ законодательныя учрежденія, а посему онъ самъ, Родзянко, равно какъ и его коллеги, не считаютъ себя в правѣ высказывать в этомъ собраніи окончательное мнѣніе в своемъ официальномъ качествѣ членовъ Государственной Думы. На это я совершенно спокойно отвѣтилъ, что вполнѣ понимаю точку зрѣнія, на которой стоятъ предсѣдатель Государственной Думы и его коллеги, и прошу разсматривать настоящее совѣщаніе не какъ законодательное собраніе, а какъ техническую коллегію для обсужденія специальныхъ налоговыхъ вопросовъ. Способъ дальнѣйшаго проведенія в жизнь предположенныхъ мѣропріятій будетъ зависѣть отъ рѣшенія правительства, на коемъ лежитъ вся отвѣтственность для финансированія войны. Но каково бы ни было рѣшеніе Совѣта министровъ, соотвѣтственные налоговые законопроекты, хотя бы и проведенные в порядкѣ ст. 87 основныхъ законовъ, будутъ внесены мною в ближайшую сессію законодательныхъ учрежденій, немедленно по ея открытіи, и члены Государственной Думы будутъ имѣть полную возможность высказать в самой Думѣ свое окончательное сужденіе по налоговымъ мѣропріятіямъ. В виду сего я прошу разрѣшенія обращаться в настоящемъ совѣщаніи за добрымъ содѣйствіемъ не къ присутствующимъ членамъ Государственной Думы, а къ любезно отозвавшимся на приглашеніе министра финансовъ отдѣльнымъ лицамъ, — Михаилу Владиміровичу Родзянко, Александру Дмитріевичу Протопопову, Андрею Ивановичу Шингареву, Михаилу Мартыновичу Алексѣенко и др. Предсѣдатель Государственной Думы отвѣтилъ мнѣ, что противъ такой постановки дѣла онъ со своими коллегами возраженій не имѣетъ, они готовы оставаться в совѣщаніи, чтобы принять участіе в работахъ Министерства финансовъ в качествѣ частныхъ лицъ, сохраняя за собой свободу сужденій при

*) См. "Возрожденіе" №№ 157-161.

прохожденіи соответственных законопроектов через Государственную Думу. Таким путем был исчерпан этот инцидент, щепетильность членов Государственной Думы была удовлетворена и я получил возможность выслушать с их стороны критику разработанных министерством финансов налоговых предположеній.

Должен сознаться, что я испытал большое разочарованіе послѣ нѣскольких засѣданій совѣщанія о налогах. Задача момента была совершенно проста; необходимо было экстренно изыскать новые источники налоговых поступленій, которые хотя бы в части могли пополнить утраченный казной доход от продажи крѣпких напитков. Между тѣм большинство членов совѣщанія произносили длинные рефераты на ту тему, что вся наша налоговая система совершенно неудовлетворительна, необходимо прежде всего разработать подробный план для введенія совершенно новой системы налогов и послѣ разсмотрѣнія этого общаго плана вводить отдѣльные налоги, при чем в первую голову слѣдует провести подоходный налог. Исходя из этого основного положенія, члены Думы находили нѣкоторые предложенные министерством финансов налоги неприемлемыми и в особенности нападали на желѣзнодорожный налог, указывая на то, что он очень затруднит торговый оборот, поведет к тому, что товары будут избѣгать желѣзнодорожной перевозки, перейдут на водный транспорт и на гужевую перевозку, а в результатѣ казна будет получать только гроши. Если бы я не рѣшил уже заранѣе провести намѣченные мною мѣропріятія в порядкѣ ст. 87 основных законов, то я мог бы притти в отчаяніе от выслушанных мною совѣтов. Ни для кого не было тайной, что наша налоговая система далека от совершенства, но заняться в началѣ войны разработкой новаго плана налоговой реформы и проведеніем его через всѣ инстанціи означало бы отсрочку полученія необходимых для государственнаго казначейства средств на многіе и многіе годы. Быть может этот план получил бы окончательное утвержденіе через нѣсколько лѣтъ по окончаніи войны, послѣ смѣны нѣскольких министров финансов, мнѣ же нужно было имѣть немедленные результаты от мѣропріятія, проведенных в жизнь без всякой отсрочки. Поэтому я остановился на совершенно иной тактикѣ. Прежде всего мнѣ нужно было осуществить без замедленія, по 87-й ст. основных законов, всѣ налоговые мѣропріятія, одобренные нашей небольшой коллегіей, под предсѣдательством П. А. Харитонова, несмотря на ожесточенную их критику в многоголовом совѣщаніи о налогах. Затѣм я хотѣлъ воспользоваться первым возобновленіем законодательной сессіи, чтобы провести подоходный налог, и только послѣ проведенія подоходнаго налога, который, по моему мнѣнію, должен был служить краеугольным камнем новой налоговой системы, можно было бы заняться разработкой цѣлаго плана, осуществленіе котораго растянулось бы на много лѣтъ. Вводить подоходный налог по ст. 87 я не считал цѣлесообразным, так как он имѣлъ ожесточенных противников как в Государственной Думѣ, так и в Государственном Совѣтѣ, и при дальнѣйшем разсмотрѣніи в этих

учрежденіях закона, проведеннаго по ст. 87, таковой навѣрно был бы отклонен. Я отдавал себѣ, конечно, ясный отчет в том, что моя тактика вызовет жестокія нападки в думских кругах, но я преслѣдовал совершенно опредѣленные конкретныя цѣли. Я хотѣл, чтобы во время управленія мною Министерством финансов в законодательныя учрежденія был впервые внесен “трезвый бюджет” на смѣну “пьянаго бюджета”, который должен был отойти в область преданій, и засим я хотѣл, чтобы, также во время управленія мною Министерством финансов, в бюджет одобренный законодательными учрежденіями был впервые внесен подоходный налог. Стремясь достигнуть этихъ практическихъ задачъ, я готов был за нихъ пострадать. Я нисколько не обольщал себя надеждой, будто я многіе годы могу оставаться на своемъ посту; скорѣе рано, чѣмъ поздно, мог наступить для меня момент, когда тѣ или иныя причины побудили бы Государя призвать другое лицо для завѣдыванія русскими финансами, к чему я относился совершенно спокойно и, думая об этомъ моментѣ, предпочитал оставить послѣ себя проведенныя в жизнь капитальныя двѣ реформы, которыя должны были имѣть огромное значеніе для всего народнаго благосостоянія, а не передать моему преемнику идеально разработанный план новой налоговой системы, который оставался бы только на бумагѣ.

Эту мысль я вполне откровенно высказал Государю, когда докладывал Ему о ходѣ работъ многоголоваго совѣщанія о налогахъ. Я ходатайствовал об утвержденіи налоговыхъ мѣропріятій, проводимыхъ мною черезъ Совѣтъ Министровъ, по ст. 87 основныхъ законовъ, несмотря на всѣ возраженія, высказывавшіяся в совѣщаніи о налогахъ; я говорил о своемъ намѣреніи провести съ возможной скоростью подоходный налогъ но предупреждал Государя, что своими дѣйствіями министр финансов несомнѣнно вызоветъ бурю негодованія и, вѣроятно, в скоромъ времени съ разныхъ сторонъ будутъ сдѣланы попытки убѣдить Государя в томъ, что Баркъ далеко не на высотѣ, не справляется со своимъ дѣломъ, и что ему необходимо найти замѣстителя. Государь посмотрѣлъ на меня своимъ ласковымъ чарующимъ взоромъ и серьезнымъ тономъ отвѣтилъ: “Если кто нибудь заговоритъ со мной на эту тему, я покажу ему на дверь” — и указалъ рукой на дверь своего кабинета, выходящую в пріемную.

Время подтвердило мои предположенія. Со всѣхъ сторонъ посыпались на меня нападки за проведенные мною налоги. Нигдѣ, конечно, ни в одномъ государствѣ не наблюдалось, чтобы плательщики налоговъ с радостью производили причитающіеся с нихъ платежи. Платить никто не любитъ, в особенности же в Россіи, гдѣ такъ мало развито чувство долга. Критика же моихъ дѣйствій облегчалась еще тѣмъ, что я рѣшился принять срочныя мѣры в порядкѣ ст. 87, не ожидая возобновленія сессіи законодательныхъ учрежденій. Все было признано плохимъ и особенно непріемлемымъ желѣзнодорожный налогъ. Между тѣмъ, именно этотъ налогъ оказался наиболѣе продуктивнымъ, он давалъ ежемѣсячно казнѣ не менѣе 10-12 милл. рублей, а общій сборъ с пассажировъ и грузовъ давалъ казначейству около четверти миллиарда рублей в годъ. Понятно,

что я очень дорожил этими поступлениями, и впоследствии срок этого обложения, истекавший 1 января 1916 г., был продлен до 1 января 1918 г.

Интересно отметить, что Государственная Дума, за все время войны, не удосужилась рассмотреть ни одного из моих налоговых мероприятий, проведенных в порядке ст. 87 основных законов, несмотря на то, что я по возобновлении законодательной сессии, в июль 1915 г., внес немедленно в Думу все соответственные законопроекты. Я полагаю, что представители оппозиции в думѣ были очень довольны моею независимостью; она давала им лишній повод громить правительство за то, будто оно игнорирует Государственную Думу, по существу же члены Думы понимали необходимость и целесообразность принятых мною мѣр, а раз таковыя были уже проведены в жизнь, то это избавляло их от надобности тратить время на обсужденіе финансовых вопросов, и это время оставалось свободным для политической борьбы с правительством. Таким образом, при всяком удобном и неудобном случаѣ, с трибуны Государственной Думы раздавались упреки по адресу министра финансов, что он звал совершенно недопустимый желѣзнодорожный налог, обременяющій, будто бы, до-нельзя товарный оборот, но никому из критиковавших не приходило в голову предложить Думѣ немедленно рассмотреть представленный ей министром финансов соответственный законопроект и отвергнуть его. Конечно, каждый из членов Думы, выступавшій с критикой, прекрасно понимал, что если бы этот законопроект был подвергнут рассмотрѣнію в Думѣ, то он не только не был бы отвергнут, а, весьма вѣроятно, ставки налога, опредѣленные министром финансов, были бы признаны слишком скромными и подверглись бы сильному повышенію.

Даже к рассмотрѣнію законопроекта о подоходном налогѣ, на срочном обсужденіи коего я энергично настаивал в своем выступленіи лѣтом 1915 г., как только возобновилась сессія, Государственная Дума приступила крайне неохотно и так тянула с этим дѣлом, которое лежало в Думѣ с 1907 г., было рассмотрѣно в безконечном количествѣ комиссій и могло быть проведено в нѣсколько дней, что законопроект не был своевременно передан в Государственный Совѣт и был рассмотрѣн им только весной 1916 г. Вслѣдствіе такой потери времени Министерство финансов лишилось этого дохода в 1916 г. и могло внести свои первыя исчисленія подоходнаго налога лишь в бюджет 1917 года.

Несмотря на всѣ ожесточенные нападки я продолжал идти по намѣченному пути и приступил к разработкѣ подробнаго плана новой налоговой системы лишь послѣ того, как часть налогов была проведена по ст. 87 основных законов, а подоходный налог был, наконец, принят Думой в теченіе лѣтней сессии 1915 г. Для обсужденія же этого пресловутаго плана мною выдвинут был опять громоздкій аппарат многоголоваго совѣщанія с нѣкоторыми членами Думы; было устроено так, что пожеланіе о созывѣ такого совѣщанія было высказано самой Думой, а я принял на себя обязательство это пожеланіе исполнить.

Для меня это не представляло никакого труда, так как достаточно было нѣсколько обновить совѣщаніе, созванное Министром финансов осенью 1914 г., но для большей торжественности было рѣшено пополнить его большим количеством представителей науки, а также нѣсколькими представителями общественных организацій. Я был глубоко убѣжден, что весь этот аппарат окажется совершенно неработоспособным, но считал себя вынужденным сдѣлать эту уступку общественному настроенію. Первые засѣдагія этого многоголового совѣщанія, прошедшія под моимъ предсѣдательством, были очень многолюдны и дали возможность многимъ его участникам говорить длинныя рѣчи не столько по финансовымъ вопросамъ, сколько на общія политическія темы. Для большей продуктивности работы я предложилъ образовать три секціи по специальностямъ, для обсужденія в одной секціи предположеній о прямыхъ налогахъ, в другой о косвенныхъ налогахъ и в третьей о монополіяхъ. Засѣданія секцій посѣщались уже гораздо менѣе ретиво, весьма скоро они даже стали откладываться, так как приходили лишь чиновники, представители разныхъ вѣдомствъ, наконецъ пришлось совсѣмъ отказаться отъ назначенія засѣданій, и вся дальнѣйшая работа производилась исключительно в подлежащихъ департаментахъ Министерства финансов. Этотъ абсентеизмъ представителей общественнаго элемента при разработкѣ требовавшихся ими плана новой налоговой системы меня мало беспокоилъ, я зналъ, что это дѣло долгаго времени и что главный трудъ все равно упадетъ на Министерство финансов. Практическія же цѣли, которыя я себѣ поставилъ, были достигнуты; уже на 1916 годъ я могъ представить бюджетъ, в которомъ питейный доходъ занималъ весьма скромное мѣсто, составляя менѣе 50 милліоновъ рублей, бюджетъ же на 1917 годъ поистинѣ можно было назвать “трезвымъ бюджетомъ”. “Пьяный бюджетъ” канулъ вѣвѣчность. А кромѣ того в бюджетѣ на 1917 годъ впервые были исчислены поступления отъ подоходнаго налога, который становился краеугольнымъ камнемъ нашей налоговой системы. Прочный фундаментъ для благоустроенныхъ финансовъ былъ заложенъ взаменъ гнилыхъ пьяныхъ подпорокъ, были созданы прочныя устои равномѣрнаго, справедливаго подоходнаго обложенія. Обязательство, принятое мною передъ Государемъ, при моемъ назначеніи на постъ министра финансовъ, было выполнено, — пьяный доходъ былъ устраненъ изъ бюджета. Но я не переставалъ заботиться о томъ, чтобы принятыя правительствомъ запретительныя мѣры по изготовленію и продажѣ крѣпкихъ напитковъ были закрѣплены закономъ. Однако, подвинуть правительство на разсмотрѣніе законопроекта, коимъ окончательно утверждались бы эти запретительныя нормы, было дѣломъ очень не легкимъ.

Когда я представилъ Государю Императору в октябрѣ 1916 г. смѣту бюджета на 1917 г., я сопровождалъ ее слѣдующими поясненіями: “Бюджетъ на 1917 г. — третій годъ войны — такъ же какъ и бюджеты 1915 и 1916 г.г. несетъ тяжесть особыхъ обстоятельствъ, в которыхъ мы находимся. Все же, бюджетъ на 1917 г. показываетъ не только выносливость Россіи, но ея жизненную силу и ея средства. Покупательная спо-

способность народа естественно уменьшилась вследствие войны. Часть русской территории была занята неприятелем и поступления от налогов были еще уменьшены с закрытием питейных заведений. В 1914 г. наш доход сократился на 500 миллионов рублей по сравнению с предыдущими годами. В 1915 году уменьшение дохода было еще значительнее. Но в текущем (1916) году доход стал уже увеличиваться и показывает превышение на сумму 750 милл. рублей только в течение 8 месяцев по сравнению с тем же периодом в 1915 году. Бюджет на 1917 г. рассчитан на доход достигающий суммы почти 4-х миллиардов рублей и превышает бюджет 1913 года на сумму в 581 миллион рублей. Это наиболее высокая цифра дохода, когда-либо зарегистрированная в истории наших финансов.

“Эти достижения показывают очень благоприятные результаты от принятых мероприятий для разрешения серьезнейших вопросов, с которыми Министерству финансов пришлось иметь дело в начале войны, когда наиболее продуктивный доход в нашем бюджете от винной монополии был вычеркнут и заменен другими источниками на более солидных и здоровых основаниях. Для того чтобы осуществить эту замену пришлось увеличить налоги с самого начала войны и ввести новые. Эти мероприятия, которые должны были дать увеличение дохода на 500 миллионов рублей по сравнению с 1915 г., уже достигли в 1916 г. 725 милл. рублей и должны дать избыток в 1.075 милл. рублей в 1917 г. — что показывает увеличение дохода в сравнении с прежними при существовании большого дохода от винной монополии. Новые налоги являются первыми шагами к оздоровлению и переменам нашей податной системы. Наиболее видное улучшение было осуществлено введением подоходного налога по закону, одобренному Вашим Величеством 6/19 апреля 1916 г.

“В 1913 г. 35 % наших обыкновенных доходов получались от налогов. В смете бюджета на 1917 г. налоги составляют 52,7 % общего дохода. Доход от прямых налогов увеличен. В 1913 году он составлял 7,9 % общего дохода. Предполагается, что он будет составлять 14,2 % в 1917 г. Доход от косвенных налогов увеличился с 20,7 % до 27,5 %.

“Увеличение нашего обычного дохода позволяет нам увеличить расходы на Церковь, на просвещение, народное здравоохранение, земледелие, торговлю и промышленность, почтовое и телеграфное ведомство, на постройку новых железнодорожных линий, а также иные расходы на духовные и практические потребности нации. В бюджете 1917 г. 1.675 милл. рублей предназначено для этих нужд. В 1913 г. 1.223 милл. рублей было израсходовано на эти нужды. Эти 1.223 милл. представляли 37,9 % общих расходов, сумма же предназначенная на эти потребности в бюджете 1917 г. составляет 46 % общих расходов.

“Однако, Министерство финансов находится в данный момент перед проблемой громадной важности — это расходы на войну. Эти расходы уже достигли суммы в 20 миллиардов рублей по 1 октября

1916 года, — они покрывались кредитными операціями, долгосрочными займами и частично выпуском кредитных билетов, достигших теперь суммы 8,4 миллиарда рублей. Мы должны найти средства для уплаты процентов по займам и также для их погашенія. Мы должны быть готовы к дефициту в нашем бюджетѣ в течение нѣскольких лѣтъ послѣ окончанія войны. Все же я убѣжден, что эти затрудненія казначейства будут только временными и что правильное веденіе финансовой политики поможет справиться с этими трудностями”.

ГЛАВА XI.

В декабрѣ 1915 г. англійскій канцлер казначейства Ллойд Джордж поднял вопрос о созывѣ конференціи трех великих держав — Россіи, Великобританіи и Франціи — для совмѣстнаго обсужденія мѣропріятій в финансовой области и для установленія основ согласованной финансовой политики, которая облегчила бы союзникам дальнѣйшее веденіе войны. Министр иностранных дѣл доложил об этом в Совѣтѣ Министров, признав с своей стороны такое совмѣстное обсужденіе весьма желательным, высказал надежду, что Совѣт министров раздѣлит соображенія, приведенныя англійским канцлером казначейства, и обратился ко мнѣ с просьбой выѣхать без замедленія в Париж, гдѣ должна была состояться финансовая конференція. Я со своей стороны вполне присоединился к мнѣнію, что словесные переговоры между руководителями финансовых вѣдомств трех великих держав, вовлеченных в войну, могут гораздо скорѣе и лучше выяснить всѣ финансовыя задачи связанныя с войной и привести к болѣе быстрому рѣшенію неотложных вопросов, чѣм подробная телеграфная переписка между союзниками, которая всегда оставляет много недосказаннаго. Меня лишь беспокоит мысль, может ли Министр финансов Россійской Имперіи уѣхать на сравнительно продолжительный срок во время войны, когда на его отвѣтственности находится много дѣл внутренняго распорядка, которыя требуют его постоянного наблюденія и руководства. Конечно, незамѣнимых людей вообще не существует и отсутствующаго министра обычно замѣняет старшій товарищ министра, что возможно и в данном случаѣ; однако, военныя обстоятельства настолько различны от условій мирнаго времени, что передача управленія министерством финансов старшему товарищу министра может создать серьезныя неудобства, не потому, что товарищ министра окажется не на высотѣ задачи, а лишь по той причинѣ, что он не бывал на засѣданіях Совѣта Министров и не может быть в курсѣ всѣх возбуждавшихся вопросов и общей политики Совѣта. Послѣ непродолжительных преній Совѣт министров склонился к тому, что моя поѣздка в Париж безусловно необходима, неудобства же, на которыя я указывал, имѣлось в виду устранить тѣм, что старшій товарищ министра должен был взять на себя завѣдываніе текущими

дѣлами по министерству, общее же руководство вѣдомством предполагалось передать государственному контролеру П. А. Харитонову, как члену кабинета, присутствовавшему на всѣх засѣданіях Совѣта Министров и находившемуся в курсѣ всѣх обсуждавшихся там дѣл, связанных с военной обороной. К сожалѣнію, великобританскій посол не имѣлъ никаких свѣдѣній о программѣ вопросов, которые Ллойд Джорж признавал желательным обсудить на конференціи. Французскій посол Палеолог также не располагал никакими данными по этому предмету и наше Министерство иностранных дѣл равным образом не получило никакой программы из Лондона, а имѣло лишь краткое телеграфное донесеніе графа Бенкендорфа и извѣщеніе о том, что французскій министр финансов Рибо изъявил согласіе участвовать в конференціи, мѣстом которой былъ выбранъ Париж.

Совѣтъ министров предоставилъ мнѣ полную свободу дѣйствій при веденіи переговоров, не связалъ меня никакими указаніями и даже не высказалъ никакого опредѣленнаго пожеланія; лишь Предсѣдатель Совѣта И. Л. Горемыкин в частной бесѣдѣ, пожелавъ мнѣ успѣха в моей миссіи, добавилъ, что мое положеніе при переговорахъ будетъ, вѣроятно, очень трудным, но выразилъ надежду, что мнѣ удастся заручиться необходимыми для нас кредитами. За отсутствіемъ программы я не признавалъ возможнымъ созывать Комитетъ финансовъ для доклада о моей заграничной поѣздкѣ, но тѣмъ не менѣе счелъ себя обязаннымъ захватить къ Предсѣдателю Комитета графу С. Ю. Витте, чтобы поставить его в извѣстность о предстоявшей конференціи трехъ министровъ финансовъ. Графа Витте это предположеніе чрезвычайно взволновало, онъ сталъ мнѣ говорить, что поѣздка грозитъ мнѣ очень большими неприя́тностями; для него совершенно ясно, что союзники, будучи сами вынуждены къ величайшему напряженію своихъ финансовыхъ ресурсов, не в состояніи открыть намъ кредитовъ в сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ. Довказательствомъ тому служатъ совершенно необычныя денежныя условія, создавшіяся в богатой капиталами Франціи, гдѣ установленный в кредитныхъ учрежденіяхъ мораторій лишаетъ возможности собственниковъ крупныхъ текущихъ счетовъ, в том числѣ русское правительство, распорядиться своими вкладами. Очевидно, что Франція еле будетъ справляться съ собственными финансовыми затрудненіями. Что же касается Англии, то Лондонскій денежный рынокъ никогда не былъ склоненъ къ помѣщенію русскихъ займовъ; только за послѣдніе годы было сдѣлано нѣсколько попытокъ къ реализаціи тамъ гарантированныхъ правительствомъ желѣзнодорожныхъ облигацій, на сравнительно небольшія суммы, но и эти скромныя кредитныя операціи не пользовались успѣхомъ среди англійской публики. Непосредственная же финансовая помощь со стороны британскаго правительства едва ли можетъ быть осуществлена в крупныхъ размѣрахъ, и если будетъ оказана, то, вѣроятно, на очень тяжелыхъ условіяхъ, какъ можно судить по первому открытому намъ военному кредиту, когда англійское правительство настояло на высылкѣ в Лондонъ части золота изъ фонда Государственнаго Банка. При такихъ обстоя-

тельствѣх переговоры русскаго министра финансов с Ллойд-Джорджем и Рибо не обѣщают никаких существенныхъ выгодъ для Императорскаго Правительства, наоборотъ, будучи в Парижѣ одинокимъ, русскій министр финансов рискуетъ быть вовлеченнымъ в невыгодную сдѣлку и можетъ быть вынужденъ подписать неблагопріятное для Россіи соглашеніе.

Я, конечно, понималъ всѣ трудности, которыя мнѣ предстояли при веденіи переговоровъ — тутъ не могу не вспомнить того столкновенія, которое я имѣлъ в самомъ началѣ войны с нашимъ Министромъ Иностраннхъ дѣлъ С. Д. Сазоновымъ. Дѣло заключалось в слѣдующемъ: Военный министр генералъ В. А. Сухомлиновъ обратился ко мнѣ с настойчивой просьбой устроить кредитъ в Англіи для оплаты срѣшнихъ заказовъ для военныхъ надобностей. Я попросилъ военнаго министра дать мнѣ точныя данныя о предстоящихъ военному вѣдомству заграничныхъ платежахъ и когда оказалось, что большая часть изъ нихъ приходится на города внѣ предѣловъ Франціи, я сдѣлалъ докладъ Совѣту министровъ о настоятельной необходимости обратиться къ британскому правительству с представленіемъ о надобности открыть намъ кредиты для оплаты нашихъ заграничныхъ заказовъ и покупокъ. Я считалъ, что Великобританія, будучи наименѣе затронута войной, такъ какъ военныя дѣйствія не распространились на ея территорію, должна оказывать союзникамъ существенную помощь в финансовою области, тѣмъ болѣе, что финансовыя силы Англіи во много разъ превышали таковыя Франціи и Россіи. Министръ земледѣлія А. В. Кривошеинъ горячо поддержалъ мое выступленіе и привелъ историческую справку, что Великобританія, собравъ в началѣ XIX столѣтія коалицію для войны противъ Наполеона, оплачивала военные расходы союзниковъ. С. Д. Сазоновъ изъявилъ полную готовность снести немедленно, по телеграфу, с нашимъ посломъ в Лондонѣ, графомъ Бенкендорфомъ, дабы послѣдній вошелъ с британскимъ правительствомъ в переговоры об открытіи необходимыхъ намъ заграничныхъ кредитовъ, первоначальный размѣръ которыхъ былъ намѣченъ мною в 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (около 200 милліоновъ рублей, по паритету на золото). Черезъ короткій промежутокъ времени отъ гр. Бенкендорфа было получено донесеніе, в коемъ онъ доводилъ до свѣдѣнія министра иностранныхъ дѣлъ, что британское правительство изъявило согласіе открыть намъ кредитъ на указанную сумму, при условіи, если Императорское правительство вышлетъ в Лондонъ изъ запаса Государственнаго Банка золота на восемь милліоновъ фунт. стерлинговъ (восемьдесятъ милліоновъ рублей). При докладѣ этого отвѣта в Совѣтѣ Министровъ я объяснилъ, что по существу намъ предлагается кредитъ не в 200 милл. рублей, а в 120 милл. рублей, такъ какъ золото, находящееся в кладовыхъ Государственнаго Банка, это — звонкій товаръ, взамѣнъ коего мы в любой странѣ можемъ получить эквивалентъ в иностранной валютѣ для оплаты нашихъ заказовъ и покупокъ. Принятіе нашего собственнаго золота для производства платежей не означаетъ союзнической услуги, и не на такое отношеніе вправѣ рассчитывать Россія, приносящая с самаго начала кампаніи огромныя жертвы кровью своихъ сыновъ за общее дѣло. Я настаивалъ на томъ, чтобы

Англія открыла нам кредит полностью, не требуя никакой высылки золота, и указывал на тяжелыя послѣдствія для нашего денежнаго обращенія, если при каждом новом заграничном кредитѣ, — а такихъ придется открывать в теченіе войны, вѣроятно, не малое количество, — необходимо будет обезсилить наш золотой фонд. К началу войны находившіеся в обращеніи кредитные билеты обезпечивались крупным золотым запасом в размѣрѣ одного миллиарда шестисот милліонов (1.600.000.000) рублей, который превышал сумму выпущенныхъ кредитныхъ билетов и был больше, чѣм какой бы то ни было золотой фонд западныхъ эмиссіонныхъ банков. По величинѣ за ним слѣдовалъ запас золота Французскаго Банка, потом Германскаго Имперскаго Банка и наконецъ Англійскаго Банка. Такое благопріятное соотношеніе выпущенныхъ в обращеніе кредитныхъ билетов к золотому запасу, несомнѣнно, должно будет уменьшиться с развитіемъ военныхъ дѣйствій, так как для покрытія военныхъ издержекъ Государственное казначейство будет прибѣгать к заимствованиямъ в Государственномъ Банкѣ, а послѣдній для удовлетворенія требованій казны будет вынужден производить усиленные выпуски кредитныхъ билетов, не имѣя вмѣстѣ с тѣмъ возможности увеличивать соотвѣтственно свой золотой запас. Вся годовая добыча золота в Россіи, попадавшая в кассы Государственнаго Банка, не превышала 60 милліоновъ рублей, а между тѣмъ военные расходы первыхъ мѣсяцевъ войны приближались к ежемѣсячной цифрѣ в 500 милліоновъ рублей. Вот почему Министерство финансов, в теченіе первой недѣли послѣ объявленія нам войны Германіей, в спѣшномъ порядкѣ, не ожидая открытія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, провело в Совѣтѣ Министровъ по ст. 87 основныхъ законовъ мѣру о приостановленіи Государственнымъ Банкомъ размѣна кредитныхъ билетов на золото. Необходимо было сохранить накопленный в теченіе многихъ десятилѣтій золотой запас для обезпеченія возможной устойчивости нашего денежнаго обращенія; требованіе же Англійи о высылкѣ ей крупной партіи золота в самомъ началѣ войны колеблетъ фундаментъ нашего денежнаго обращенія и не можетъ быть разсматриваемо какъ благоразумный актъ со стороны союзной державы, заинтересованной, казалось бы, в томъ, чтобы финансовое наше положеніе оставалось прочнымъ для доведенія войны до побѣднаго конца. С. Д. Сазоновъ возражалъ мнѣ, указывая на то, что Англія предложила намъ такую помощь, которая для нея является посильной, и находилъ вполне правильнымъ, чтобы мы из своего большого золотого запаса подкрѣпили незначительный сравнительно золотой фондъ Англійскаго Банка, тѣмъ болѣе, что Англійи придется открывать дальнѣйшіе кредиты союзнымъ странамъ, и посему британское правительство должно с большой заботливостью охранять свое финансовое равновѣсіе. Остальные члены Совѣта министровъ отнесли къ возбужденному мною вопросу довольно равнодушно, и только одинъ министръ земледѣлія Кривошеинъ, по обыкновенію, меня поддержалъ и в энергичныхъ словахъ критиковалъ предложенныя британскимъ правительствомъ условія кредита.

Я продолжал настаивать на своей точкѣ зрѣнія, находя эти условія для нас неприемлемыми, и убѣждал Совѣтъ министров согласиться со мной, чтобы нашему послу в Лондонѣ были даны инструкціи добиться открытія кредита на полную сумму в 200 милліонов рублей, без высылки золота из запаса Государственного Банка. По этому поводу Сазонов замѣтил, что такія инструкціи, конечно, могут быть даны графу Бенкендорфу, но, зная характер англичан, он вперед может сказать, что онѣ благопріятных результатов дать не могут, так как полученный от британскаго правительства отвѣтъ, несомнѣнно, серьезно продуман, всѣ обстоятельства строго взвѣшены и от своей точки зрѣнія англичане не отступят. Я на это возразилъ, что если вести переговоры с таким убѣжденіем, будто никаких улучшеній в предложенных условіях нельзя добиться, то, само собой разумѣется, всякіе переговоры окажутся безрезультатными и роль Россіи на дипломатическом поприщѣ сведется лишь к полученію соотвѣтственных указаній от других великих держав, но едва ли в данном случаѣ мы находимся в таком невыгодном положеніи, что не можем даже возвысить своего голоса когда нѣкоторыя условія представляются для нас невыгодными, неудобными и посему неприемлемыми. Военная сила, выставленная Россіей против общаго непріятели, настолько велика и настолько превышает количество британских штыков, что Императорское правительство вправѣ рассчитывать на серьезную финансовую помощь со стороны англичан и притом на условіях не обременительных.

Военному министру очень не нравилась возможная затяжка в открытіи необходимых нам заграничных кредитов в случаѣ продолженія дипломатических переговоров и, не вдаваясь в оцѣнку технических условій предложеннаго кредита, он убѣдительно просил Совѣтъ министров возможно скорѣе покончить с этим дѣлом. Вслѣдствіе моих повторных настояній Совѣтъ министров все же склонился к тому, чтобы нашему послу в Лондонѣ были преподаны дополнителныя инструкціи, в силу коих он мог бы войти с новым представленіем к британскому правительству. Я был, конечно, доволен, что Совѣтъ министров склонился к моему мнѣнію, но послѣ объясненій С. Д. Сазонова мало имѣлъ надежды на успѣшность дальнѣйших переговоров гр. Бенкендорфа. Дипломатическая школа нашего посла в Лондонѣ была та же, что и нашего министра иностранных дѣл, — С. Д. Сазонов долгое время провел в Лондонѣ, сперва в должности секретаря, когда нашим послом был Сталь, потом в должности совѣтника посольства уже при графѣ Бенкендорфѣ, оба были большими англофилами, находились под обаяніем англійских государственных людей и всѣх англійских порядков и привыкли относиться к рѣшеніям британскаго правительства как к непререкаемым истинам. Через нѣсколько дней дѣйствительно выяснилось, что мои опасенія были справедливы; британское правительство на дополнителныя представленія гр. Бенкендорфа отвѣтило отказом и настаивало на высылкѣ из Россіи в Лондон золота из запаса Государственного Банка. С. Д. Сазонов, с своей стороны, указывал в

Совѣтъ министровъ на то, что англійское правительство не измѣнитъ первоначально выставленныхъ имъ условій, и что посылка дополнительныхъ инструкцій была излишней, такъ какъ затянула лишь разрѣшеніе чрезвычайно срочнаго вопроса. Тѣмъ не менѣе я оставался при своемъ убѣжденіи, полагая, что если бы Императорское правительство в лицѣ своихъ представителей проявило большую настойчивость, то успѣхъ переговоровъ былъ бы обезпечен. Дальнѣйшія событія оправдали потомъ мою точку зрѣнія.

Любопытно однако отмѣтить, в какихъ выраженіяхъ гр. Бенкендорфъ сообщалъ о томъ, что британское правительство остается при первоначально высказанномъ имъ требованіи о высылкѣ изъ Россіи звонкаго металла. В качествѣ свѣдущаго лица по финансовымъ вопросамъ нашъ посолъ привлекъ агента министерства торговли и промышленности в Лондонѣ, Рутковскаго, бывшаго раньше нѣсколько лѣтъ агентомъ министерства в Соединенныхъ Штатахъ. Послѣдній оказался еще бѣльшимъ англофиломъ, чѣмъ наши дипломаты, и в телеграммѣ, которую С. Д. Сазоновъ получилъ за подписью графа Бенкендорфа и Рутковскаго, было указано, что англичане оказываютъ намъ огромную услугу, предлагая открытіе кредита при условіи высылки золота: для сохраненія устойчивости своей денежной системы они должны непременно обезпечивать открываемые ими кредиты в размѣрѣ двухъ пятыхъ звонкимъ металломъ; это — основа ихъ предусмотрительной и разумной финансовой политики и от этого принципа они отойти не могутъ, условія, предлагаемыя намъ, чрезвычайно выгодны и необходимо изъявить наше согласіе в наивозможно скорѣйшемъ времени, такъ какъ промедленіе переговоровъ можетъ лишь вызвать крайне неблагопріятное впечатлѣніе. Весь тонъ депеши имѣлъ, по моему мнѣнію, характеръ ультиматума, и я в очень энергичныхъ выраженіяхъ высказалъ в Совѣтѣ министровъ свое удивленіе по поводу полученнаго изъ Лондона отвѣта. Я говорилъ, что не считаю отношеніе къ намъ британскаго правительства соответствующимъ тому, чего можно ожидать отъ союзной державы. Англія думаетъ и заботится только об устойчивости собственнаго кредита и совершенно игнорируетъ наше финансовое положеніе; болѣе того, зная, что мы нуждаемся в различныхъ предметахъ боевого снаряженія, которые в срочномъ порядкѣ должны быть заготовлены за границей, Англія пользуется этимъ, чтобы принудить насъ къ отдачѣ части нашего золотого запаса. Такимъ образомъ, финансово болѣе сильная союзница, в самомъ началѣ войны, колеблетъ главные финансовыя устои экономически болѣе слабой державы и наноситъ непоправимый вредъ нашему денежному обращенію. Этотъ вопросъ меня такъ волновалъ, что я переступилъ границы обычной своей сдержанности и, пользуясь тѣмъ, что дѣло обсуждалось в средѣ министровъ, в отсутствіи чиновъ канцеляріи совѣта, совершенно откровенно и в очень рѣзкихъ словахъ обрушился на политику британскаго кабинета.

С. Д. Сазоновъ горячо сталъ на защиту англичанъ, говорилъ, что в томъ раздраженномъ состояніи, в коемъ я нахожусь, нельзя безпристрастно и правильно оцѣнивать международныя отношенія; дипломатическіе

переговоры требуют большей выдержки и умѣнья, и тот фактъ, что предложенныя союзниками условія не вполне совпадаютъ с нашими пожеланіями, не можетъ служить поводомъ для заподозриванія союзника в эгоистической политикѣ направленной къ извлеченію собственныхъ выгодъ из нашего затруднительнаго положенія. Объясненія министра иностранныхъ дѣлъ меня совсѣмъ не удовлетворили, я еще болѣе усилилъ свои нападки и высказалъ мнѣніе, что нахожу требованія Англіи не только не соответствующими союзническимъ отношеніямъ, но и недальновидными, такъ какъ они неминуемо поведутъ къ тяжелымъ результатамъ для насъ, къ недовольству нашего общественнаго мнѣнія и къ треніямъ между обѣими странами, но с точки зрѣнія узко эгоистическихъ интересовъ англійскаго казначейства, считающагося только с потребностями англійскаго кредита и англійскаго денежнаго рынка, выступленіе британскаго кабинета для меня вполне понятно. Для меня, однако, совершенно непонятно, когда наши дипломатическіе представители с энергіей, достойнойъ лучшаго примѣненія, пытаются доказать, что предложенія, сдѣланныя Англіей, представляютъ собой максимумъ той поддержки, на которую Россія вправѣ рассчитывать, что англійскія требованія разумны и цѣлесообразны и должны быть приняты безпрекословно, во избѣжаніе недовольства со стороны нашей союзницы. Если наши дипломаты такіе поклонники всѣхъ англійскихъ порядковъ, то, казалось бы, слѣдуетъ заимствовать у англичанъ и ихъ пріемы рѣшительнаго отстаиванія эгоистическихъ національныхъ интересовъ. Слѣдуя такому примѣру, мы тѣмъ болѣе должны бы охранять неприкосновенность нашего золотого запаса, такъ какъ отъ устойчивости нашихъ финансовъ зависитъ и успѣшное веденіе войны. Военный министръ с большой нервностью слѣдилъ за споромъ между министрами иностранныхъ дѣлъ и финансовъ и нѣсколько разъ прерывалъ наши пренія, прося Совѣтъ министровъ прійти скорѣе къ опредѣленному рѣшенію, такъ какъ срочные военные заказы не терпятъ никакого отлагательства и новая затяжка переговоровъ можетъ губительно отразиться на нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Тогда министръ земледѣлія выступилъ со своимъ заявленіемъ, какъ онъ это обыкновенно дѣлалъ, когда разгорѣвшіяся страсти грозили запутать вопросъ и затянуть его выясненіе. По существу онъ вполне присоединился къ моимъ доводамъ и раздѣлил мою точку зрѣнія относительно характера выступленія Англіи, но перевелъ вопросъ на почву исключительно военныхъ потребностей и сказалъ, что Совѣту министровъ предстоитъ выбрать не лучшее, а изъ двухъ золъ меньшее. Вполнѣ сознавая всѣ тяжелыя послѣдствія, которыя будутъ имѣть для нашего денежнаго обращенія уменьшеніе золотого запаса, мы должны рѣшить вопросъ, сохранять ли намъ въ неприкосновенности золото въ кладовыхъ Государственнаго Банка и остаться безъ крайне нужнаго намъ военнаго снаряженія, добыть каковое мы можемъ только за границей, — или же пожертвовать частью золота, но зато снабдить армію боевыми запасами. Едва ли правительство имѣетъ право в военное время придавать большее значеніе охранѣ золотого запаса и финансоваго благополучія, чѣмъ современной и надлежащей боевой под-

готовкѣ. Конечно, весьма неблагопріятны условія, предложенныя нам Англіей, и тягостно разставаться с золотом, но еще тягостнѣе сохранивъ золото остаться без боевого снаряженія. Как ни убѣдительно доводы министра финансовъ, нельзя забывать и того, что золотой запас, который стараніями нѣсколькихъ министровъ финансовъ накапливался в теченіе многихъ десятилѣтій, имѣетъ также значеніе военнаго фонда, и теперь именно насталъ моментъ, когда правительство вынуждено использовать сдѣланныя сбереженія для военныхъ цѣлей.

Послѣ такой аргументаціи соображенія финансоваго характера уже утрачивали свою силу и мнѣ пришлось покориться рѣшенію Совѣта министровъ, который призналъ необходимымъ принять условія, на коихъ британское правительство соглашалось открыть намъ кредитъ для производства нашихъ заграничныхъ платежей. Однако, несмотря на такое постановленіе Совѣта министровъ я рѣшилъ сдѣлать еще одну попытку для сбереженія нашего золотого фонда. Для этого мнѣ нужно было нарушить установленныя правила международныхъ сношеній и войти в непосредственные переговоры съ британскимъ посломъ в Петроградѣ сэромъ Джорджемъ Бьюкененомъ. Обычно Министерство иностранныхъ дѣлъ ревниво оберегало свою монополію международныхъ сношеній и когда требованія практической жизни все же приводили иностранныхъ дипломатовъ къ непосредственному общенію съ другими министрами, периодически напоминало министерствамъ о необходимости сношеній съ иностранными правительствами не иначе какъ черезъ нашихъ дипломатическихъ представителей. В данномъ случаѣ С. Д. Сазоновъ охотно согласился раздѣлить со мной свою отвѣтственность и не нашелъ возраженій къ тому, чтобы я лично обратился къ сэру Джорджу Бьюкенену. Заручившись такимъ согласіемъ, я сдѣлалъ подробный докладъ по этому дѣлу Государю и испросилъ Его соизволенія на личныя объясненія съ британскимъ посломъ. Я добавилъ, что мало имѣю надежды на успѣшность такого образа дѣйствій, но не могу примириться съ мыслью, что мы покорно должны подчиниться указаніямъ, полученнымъ изъ Лондона, и считаю своимъ долгомъ обратить вниманіе англичанъ на всѣ тяжелыя послѣдствія принятаго ими рѣшенія. Получивъ разрѣшеніе Государя я немедленно отправился къ британскому послу и в продолжительной бесѣдѣ подробно изложилъ ему всѣ свои доводы противъ высылки золота изъ запасовъ Государственнаго Банка, присоединивъ еще одно практическое соображеніе, которое не было упомянуто мною в Совѣтѣ Министровъ, но должно было имѣть серьезное значеніе и для англичанъ. Британское правительство настолько было заинтересовано в полученіи нашего золота, что имѣло ввиду отправить за нимъ свой крейсеръ в Архангельскъ. Однако, германскій шпіонажъ такъ хорошо былъ организованъ во всѣхъ странахъ, что существовала весьма серьезная опасность для транспорта с золотомъ. Количество звонкаго металла, подлежаващаго отправкѣ, было велико и доставить таковой по желѣзной дорогѣ в Архангельскъ безъ всякой огласки представляло не мало затрудненій. Было много вѣроятія, что такая посылка обратитъ на себя вниманіе лицъ, занятыхъ негласной

развѣдкой в пользу нашихъ враговъ, и в такомъ случаѣ потопленіе судна с драгоцѣннымъ грузомъ было неминуемо. Отправка подлежала, конечно, страхованію, и страховое общество, в случаѣ гибели груза, возмѣстило бы его стоимость англійскому правительству, но все значеніе посылки звонкаго металла заключалось в томъ, чтобы наше золото пополнило фонд Англійскаго Банка, простое же возмѣщеніе бумажными деньгами его стоимости нисколько не улучшало бы положенія металлическаго резерва банка. Сэр Джордж Бьюкененъ очень внимательно выслушалъ мои объясненія и обѣщалъ передать ихъ немедленно, во всей полнотѣ, в Лондон. Черезъ три дня британскій посолъ привезъ мнѣ в министерство полученный имъ телеграфный отвѣтъ отъ своего правительства, которое попрежнему настаивало на безотлагательной отсылкѣ золота черезъ Архангельскъ в Англію. Такимъ образомъ мною были исчерпаны всѣ средства для измѣненія условій перваго кредита, открывавшагося намъ британскимъ правительствомъ.

Принимая во вниманіе доводы приведенные Кривошеинымъ и рѣшеніе Совѣта министровъ, я с тяжелымъ чувствомъ отдалъ распоряженіе по Государственному Банку об отправкѣ золота на восемь милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (80.000.000 рубл.) в Архангельскъ, для передачи его тамъ англійскому крейсеру. Грузъ прибылъ благополучно в Лондонъ, но англичане все же потеряли в это время одинъ военный корабль, взорванный германскою подводною лодкою в Атлантическомъ океанѣ. Я склоненъ думать, что шпіонажъ сдѣлалъ свое дѣло, германскіе развѣдчики, несмотря на всѣ принятыя предосторожности, вѣроятно, разузнали о цѣнномъ транспортѣ, но благодаря тому, что перевозившій золото крейсеръ взялъ курсъ далеко на сѣверъ, онъ избѣгъ опасности, потопленъ же былъ другой корабль, принятый нѣмцами за транспортъ со звонкимъ металломъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

П. Л. Барк.

